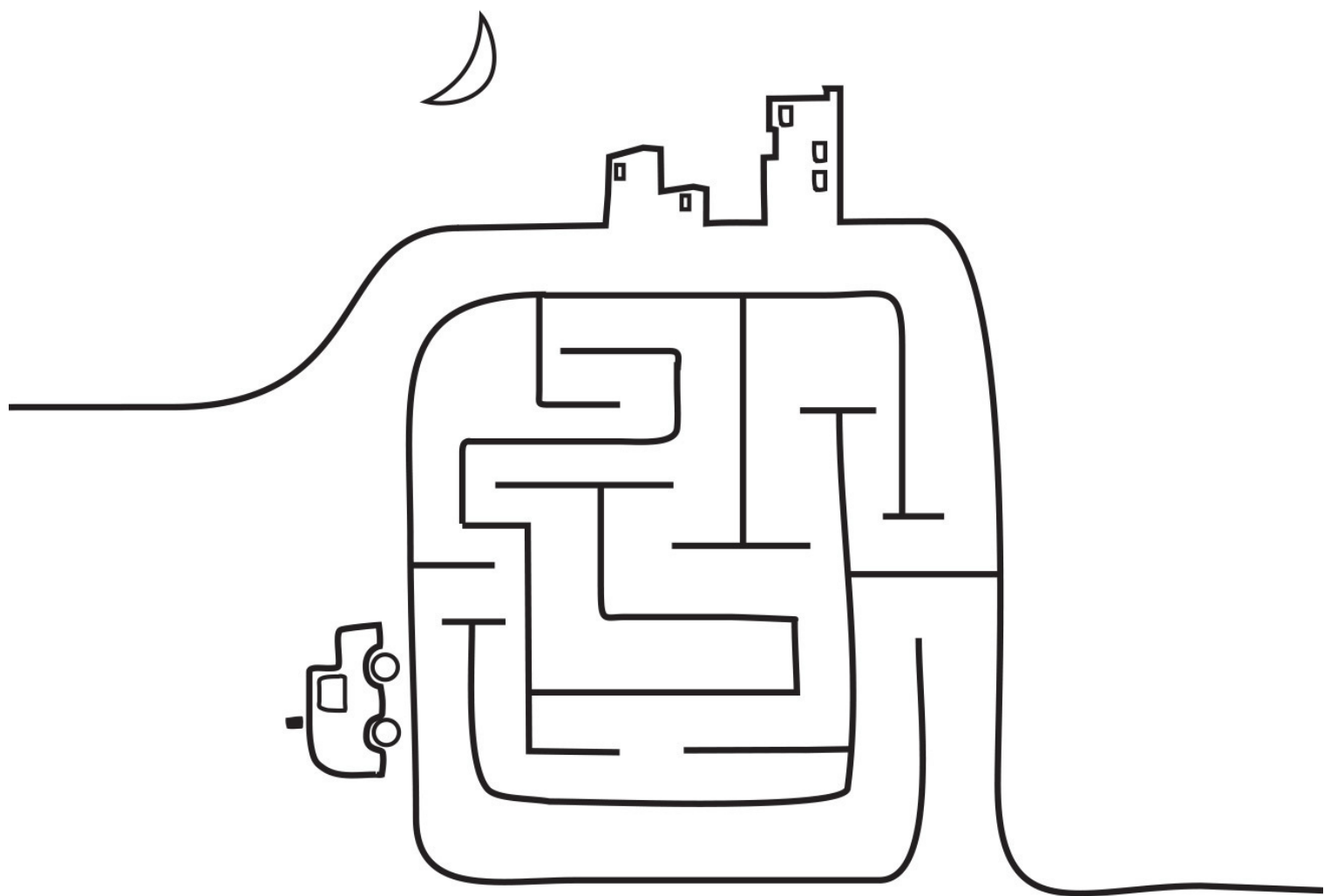

Геннадий Шептунов

НАВЯЗАННЫЙ РИТМ

Геннадий Шептунов

Навязанный ритм

«Пробел-2000»

2014

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Шептунов Г. В.

Навязанный ритм / Г. В. Шептунов — «Пробел-2000», 2014

ISBN 978-5-98604-438-5

Представляем Вашему вниманию сборник стихотворений разных лет
Геннадия Шептунова «Навязанный ритм».

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-98604-438-5

© Шептунов Г. В., 2014
© Пробел-2000, 2014

Содержание

«Жизнь – «минус время»...»	5
Ствол	6
I	6
II	7
III	8
IV	9
V	10
VI	11
Плащ Деяниры	12
I	12
II	13
III	14
IV	17
V	18
VI	19
VII	20
«В дом или в храм мы вхожи...»	22
«– Иди ты!.. – Не по миру. Градом – из виду...»	23
Ещё о сердце	24
I	24
II	25
«Небо в цвете полусвета...»	26
«Ни слова – от себя; ни о себе...»	27
«Вот это – я, а это – ты...»	28
Диалоги	29
I	29
II	31
Навязанный ритм	32
I	32
II	34
«...Это – кукла, это – мишка...»	35
III	36
ВРЕМЕНА	36
1	36
Памяти Ю.Ю. Фомина	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Геннадий Шептунов

Навязанный ритм

«Жизнь – «минус время»...»

Жизнь – «минус время»;
стало быть, прошло
Довольно кратких минус девять лет
Грядущего. С утратою покровов,
Обличий, перспектив. Разочарован
Счастливец; смертник жив; а борохло
Былого – свалка всевозможных «нет»
И «невозможно» – перегнило в Слово,
И семя пало, и уже взошло.

Опять чернеет в золоте октябрь,
И многодолгоноги переходы
По тротуарам, скверам и бульварам;
И плавно убывает день – хотя б
Кипело Солнце; к охлажденью года
Всё радостней, без дела и без пары
Используя нелётную погоду,
Брести всё дальше городом
сквозьводы—
Не сквозь летеиско-стиксовы, а так —
Сквозь морось, что не требует
ни брода,
Ни лодки; и, печалась на пятак,
Увидеть Время – чтоб оно меня
Не видело, позволив лёгким зверем,
Бесцельно, мимо дома, мимо двери
Скользнуть по поздней осени, сменя
На золото – медяк, углы срезая,
Дыша до боли в рёбрах, не тая
Ни слёз, ни смеха – ибо жизнь моя,
Упругая, поджарая борзая,
Балласта не несёт. Ни капли жира —
Одно движенье – городом ли, миром,
На все четыре и во все края,

И встречно ей – подобные же лица,
Как под водою – рыбы, в небе – птицы.

СТВОЛ

I

Всё-таки выстрел – обычно не то, что “в тебя”.
Чаще ты сам – указательный палец
на спуске,
Карий прищур над стволом;
самый ствол, слишком узкий,
Чтобы вместить, что скопилось.
Мишень возлюбя,

Ты достаёшь её.
Случка курка и бойка;
Гильза – в песок. Ты на шаг
ближе к миру и к дому,
Вроде бы выжив. А вспышка, ещё
без щелчка,
Свист и шлепок позади
причитались другому.

II

Ни хвалы, ни награды,
Ни прощенья не надо.
Наши тени – не судят,
Возвращений не будет.
Как прошли перевалом —
Половины не стало:
Мы-то думали – стадо,
Оказалась – засада,
Бойня-каменоломня,

Западня заказная.
...Кто вернулся – тот помнит.
Кто остался – тот знает.
А дороги до дому
Нет ни прямо, ни криво.
...Мы-то думали – громы.
А прислушались – взрывы.

III

Блудный сын, нежный брат,
Безымянный солдат,
Кем убит, как забыт —
Не укрыт, не зарыт?
Где травую возрос?
– Прянул мартами в нос.
– Оседлал первый шквал.
– Занавеску сорвал.

IV

Переправа, переправа.

Берег левый, берег правый...

А. ТВАРДОВСКИЙ.

“Василий Тёркин”.

Пью за тех, кого за переправой
Сорванной оставив, были правы
Те, кто уберёт всех остальных,
В бой не брошенных. Вопросы чести
Не в чести, когда живущих – двести,
А погибших – пять сынов страны.

Вам теперь – межзвёздная разведка
Там, где под ногой не треснет ветка,
Где не бросят и не предадут.
Свято место, как известно, пусто
Быть не может – но до блеска, хруста,
Свиста Космос вымыт и продут,

Вычищен, обставлен к заселению
Вами, други. Теми, кто ни тени,
Ни пятна отныне ни на пол,
Ни на знамя не отбросит.

Мало

Жили? Без толку?

– Так вот, Валгалла —

Рай полярный – холоден и гол:
Заселяйте.

V

Променяв коней на переправу,
Словно грека, в реку угодив,
Не найдя себе в варягах славы,
Обрети на весь свой голос право —
На гортанный хриплый перелив

Низких, полнокровных полувзвук —
Полувыходов туда, где нет
Ничего, что может “цап за руку”.
Вот туда – а ну ка! – влезь без стука
Этак на десяток тысяч лет —
До забвенья, то-есть – до свиданья,
Излиянья – до судьбы: «Одной
Каплею дождя на мирозданье
Пасть и обеспечить прорастанье
Деревца над брошенной стеной».

VI

Путь в потёмках. Дело за полночь.
Над землёю – тучья наволочь.
Погляди, как бледен диск,
Проплывающий над теменем.
Ночь шуршит прошедшим временем:
Что ни столб, то обелиск —
К сожалению, желаниям
Чаще, чем событиям. Мания
Убывания манит
За пределы поля зрения,
Где, очнувшись, будешь менее,
Чем частица, ибо вид
Перекрёстков образуется
Без тебя, и через улицу
Не в тебя плеснёт весна.
А тебе – завет звучания
Века, что чудит с отчаянья
Ростом веток до окна,
Наполняя новой тайною
Дом напротив, крики стайные
Птиц в рассвете и листве.

Здесь и дальше – карты из руки.
Здесь – рассеивает призраки
Жизни светлый суховей.

1999–2007

Плащ Деяниры

I

У ночи были плечи и ключицы.
Черты лица, готовые напиться
Очередной одышливой весны.
Вселенная носилась в плоской раме,
И только неба не было над нами,
Чтоб уличить в наличии спины,

И были тени синими на стенах;
И в острых снежных волнах
цвета пены
У губ хрипящего уже вотще
Рождался день пробежкой в бледной
хляби
Змеящейся и предрассветной ряби,
Скользящей по поверхности вещей.

И хлопнуло окно, как сычье око,
Когда схлестнулись, будто два потока,
И с хрустом расцепились две руки —
И всё плескалась щукой в складках
платья
И шторы ночь обычного зачатья —
Случайного, как отмель у реки.

II

Здесь жили – больше не живут.
По белизне за край бумаги
Поплыли лебеди, и крут
Изгиб их горла; словно флаги,
Их головы: ещё не взлёт,
Уже – скольжение вперёд.

И острый почерк быстрых строк,
В которых в брызги раскололись
Высоколобий чей-то слог,
Высоконогий чей-то голос,
Шагнувшие до верхних нот —
За голубое. Вверх-вперёд —

Оттуда, где прохладный кров,
Где выживали – в ус не дули,
Где плеск продолговатых слов
Во влажной полночи июля,
Где устаревшие листы
Под стыком стен ещё синеют
Пронзительнее и яснее
Прямоугольной пустоты.

III

IX глава

В дорогу – дождь, слизавший плоский город.
Сонливый полдень сталью рельса вспорот;
Ворвётся в пустоту плацкартных споров
То степь, то лес —
И станешь называть,
как в прошлом, далью
Пейзаж, линованный диагональю
Воды с небес.

Два дня безделья по дороге в лето.
Воспоминаний, путевых заметок
И непутёвостей кордебалет,
Да дождь в дорогу – добрый знак.
Но это —
Из области несбыточных примет.

Курящий в тамбуре – из “тех-которых”,
Что десять лет назад в кухонных спорах
Сшибались, не щадя ни горл, ни сил,
До срыва вверх, где в каменисто-чистом
Бродили, в сущности, из любопытства;
И я бродил.

И, явно чем-то с человеком схожий,
Намного выше и чуть-чуть положе,
Стократ плавней,
С клыкастым горизонтом в жёлтом взоре,
Из пышнотелой поросли предгорий,
Прочь от теней
Скользил пернатый – некто соколиный.
Под ним – отрава зелени долины,
Цветущий склон,
Движеньё живности в траве – и то-то
Весь мир вершил подъём переворотом,
Покуда он
Стремился вниз, как бес во плоти птичьей,
И – много медленней – назад, с добычей.

Утраты тем безропотней, чем чаще —
Закономерно. Сонмы уходящих,
Ушедших и других, кто будет жить,
Уже бредут по высохшему руслу.

Июль и зной. В преддверьи Рая – пусто.
Подъём тяжёл, но всё же легче спуска.
Подвижный камень словом обложив,
Вес переносишь на другую ногу.
Движенье длится поперёк отрога
Сквозь млечность облака и тела Бога
Туда, где нет
Опоры ничему, помимо зренья.
И, ослеплён гордыней и смиреньем
Одновременно, вышагнешь из тени
Наверх и в свет
И, вероятно, осознавши то же,
Что прежние, мельчайшей клеткой кожи,
Нутра и глаз
Замрёшь в благоговении, поскольку
Здесь губы разлепляют, чтобы только
Сказать: “Кавказ”.

Ты здесь затем, что бывшее любовью
Сменилось пляской голых в изголовье—
Возможно, истин. Это послесловье,
Как страсть и смерть,
Страшит не столь возможностью отказа,
Сколь отрицанием другого раза —
Основы детских и не очень сказок.
И не судьба отнюдь и Неба твердь,
Но хлябь и зыбь мозгов в тупой болтанке
Навяжут ритм и музыку гулянки
На всю Европу – и катись на танке
До Азии – чего не знамо для,
И не понять тому, кто вечно молод,
Как нежны дождь, и снег, и лунный холод,
И жёлто-домовитый гул шмеля.

На этом фоне пышные сравненья
Не к месту – как и чувствовыделенья,
Неточность мысли, упоенье ленью,
Незрячесть, вялость —
 в чём с теченьем дней
Я крупно преуспел. И, между нами,
Всё называть своими именами
Стократ трудней,
Страшнее. Так и с нынешней поездкой:
Я – рыбарь, кинувший в минувшем леску;
Тянуть легко —
И, стало быть, крючок иль пуст, иль срезан.
Мой колокольный звон резов и резок —
И ни о ком.

Не слышно наших стансов и романсов
Живущим там, где мерой постоянству
Лишь скорость. Свет – не ветер, и в пространствах
У музыки и слов иной закон,
И за труды – ни платы, ни ответа,
Зане переступивший эту мету
С того момента – только сгусток света,
Не дух – фотон:
Волна, движение – более, чем тело.
Когда-нибудь до этого предела
Былая прыть
Метнёт, минуя сферы и барьеры,
Твой мозг, уже привычный к высшим мерам —
Всё обрести.
И только прежней веры
Не вернуть —

Закономерно! Возраст, знание, опыт,
Оседлость мысли.
В слух вбивают топот
Не кони – дети.
Любишь тишину,
Жену, собаку, дом. Увы, у царства
Покоя есть особое коварство —
Непревышенье дозы счастья.
Сну
Присущи беспричинные тревоги;
Виденья ночи смутно-многоноги.
“Куда идёшь?” —
Не знаю. —
Как-то утром у порога
Змейй подстережёт тебя дорога.
В дорогу – дождь.

IV

Ю. Фомину

Хор шорохов коротко смолкнет – и прорван
Рубеж, и с порога по комнатам в горло
Бросается холод.
Звук взвинчен до свиста. Всё бледно
и чисто,
И слепнешь, взглянув на встающий
иглистый,
Исколотый город.

И немо под небом, как в неводе
рыбам.
И будто ты не был – безмолвная
глыба
Отчаянья, знанья
И прочего, что вышивают на этой,
Прозрачной в лучах отражённого
света,
Немнушейся ткани,

Скрывающей дней и часов очертанья.
И холодно вороху мыслей на грани
Отлития – будто впервые! —
В слова. (Чуть точнее! Чуть выше! —
Услышан.)
Они уже тёплые, нежные, дышат —
Ещё неживые.

V

Инструктаж

Не спуская хвоста рыбьих стоп с кровати,
Отожмись на ладонях от ледяного пола,
Оглянись на латунный отсвет на скулах в палате.
Одевайся и медленно двигай из царства голых.

Надевай спортивный костюм в палатном сортире,
Чтобы молнией – вжиком застёжки – не потревожить
Ни ушедших с миром, ни в этом (и лучшем) мире
Преходящих. И вечно живущих, возможно, тоже.

Покури у окна на втором этаже. А дальше —
Млечный свет, козырёк и больничный двор.
Наасф альте—
Тень стволов и узорных крон, и твоя – как мальчик —
Пятиклассник в толпе толстых тёток и дядек. В альте
Ветра в ветках услышь прежний голос – похоже, твой же.
Лунолико сито небес; освещение из не —
Былого, и час до дома пешком – дороже
Пары туфель, плаща и лишнего года жизни.

VI

Как писалось – взаправду в Судный
Этот день на Земле, воде,
Выше, ниже – кончились будни
Смерти. Больше – никто нигде.

Тех, кто в койках, в поле, в кельях,
Тех, кто влип в известняк —
Всех шарашит звёздной шрапнелью
Неба продранного сквозняк.

Репортажи со всех континентов:
«Пульсы играют туш». —
«Реанимаций конвейер. На ленту —
Тел потоки. Для душ
Заселения». – «Ремонт аорты!»
«Блеск зрачку!» «Язык в рот!»
«Есть убитые». – Нет мёртвых.
Бойня наоборот. —
«Киноплёнку – назад.»
«Все – в Сад!»

...И, когда прошагали кони
Восстающим по головам,
И на темя медной короной
Рухнул свет – тогда на балконе
Первый в белом второго тронул
За рукав. Врач недопонял.
Ангел вымолвил: «Это – Вам».

VII

*Мне старческие очи во сто раз
Милей открытых небу юных глаз...*

М.Цветаева

...стыдно – когда не видно...

А.Баилачёв

Как только резкий и сырой сквозняк
Протащит коридором, переходом
И, шарф срывая, вышвырнет меня
В родную городскую непогоду,
В московский дым предокончанья зим
К бульварам, тротуарам, мостовым —

Мне радостно, сутулясь, как фонарь,
Легко скользить от Пушкина к Арбату
И далее – к Кольцу. Туман и гарь
Рассеивают свет окон и стен,
И в сумерках не видно перемен,
Налепленных повсюду, как заплаты.

Сегодня я – один из тех гостей
У Времени, которым явно в пору
Костюмчик для разрозненных костей.
Не море мне, но лужи по колено,
И, счёт открыв прозреньям и изменам,
Брак пережил оттенки всех страстей;
Настал черёд пространных разговоров,
Дурных вестей, умнеющих детей;
И в остальном – клинки не зазвенят.
Всё сделанное делает меня

Столетию и Вечности по росту.
Я связан с каждым бывшим из людей,
И это – не зависимость, а просто
Подобье вида с Бруклинского моста —
Подвешенность, полёт меж двух твердей,
И взгляду с этой новой колокольни
Предстанет так же ясно прежний —
дольний —
Как этот – горний – мир; и в них —
я сам,
В той середине, где ничто не стыдно,
А только видно, как бывает видно
Лишь детским либо старческим глазам.

1999–2012

«В дом или в храм мы вхожи...»

В дом или в храм мы вхожи,
В норку ли, в путь-дорогу —
Мы на людей похожи,
Бывши – подобьем Бога.

В занятых нишах – мыши,
Круче, чем раньше – крыши;
Кажется, жизнь – всё лучше;
Слышится – всё же дышим.

Видимо, так нас учат.
Мало нам драли уши...
То-то и рвутся души
Мимо Эдема. Выше.

«– Иди ты!.. – Не по миру. Градом – из виду...»

– Иди ты!.. – Не по миру. Градом – из виду.
Наверно, так надо. Судьба Атлантиды,
Увы, дело рук утопающих, мозга
Существ сухопутных, для коих угроза
Потопа – пусть страшный, но всё-таки вымысел...
Вот крысы бегут. Кто-то белое вывесил.
В глазах, в голосах – волны. Море. Тревога.
И воды. И Дух – над... И воздух.—
...Как много!

2005–2007

Ещё о сердце

I

Сердце (Cor) – полый мышечный четырехкамерный орган...
Анатомия человека

...Радуюсь милому сердцу, что сами остались живы...
Гомер, ОДИССЕЯ.
Пер. В.А. Жуковского.

В годы покоя к философам многих причислят.
Даже – меня. Интересно ж,
Бездонноетро нув,
Вникнуть в потёмки души и генетику
мысли,
Архитектонику мозга и гимны гормонов.

Нервам, костям, потрохам уделяя
вниманье,
Мы их воспели – не в меру, увы,
инев ш ут ку:
Мышцы, хребет и печёнку;
суставчикивба н е...
А партитура симфоний во славу
Желудка!
Оды ушам и очам! Волосам и деталям,
Ими прикрытым! И почки помянуты тоже.
И восстаёт надо мной, ухмыляясь:
«Нежда ли?!»—
Стих дилетанта, на труп расчлененный похожий.

Но, если страшно, и тошно, и душно, и тускло,
Если просыпались звёзды и солью, и перцем,—
Четверокамерный полый мой, трепетный мускул,
Не подведи меня, милое, глупое сердце...

II

Дай Бог нам жить лет до ста, старина!
Уж если стану старым – непременно
Пить буду вёдра водки и вина,
Врать бескорыстно и самозабвенно,
И, может быть, услышу:
—Будь здо ров!
– Эй, дед, дыши! – Врача!
– Уже не к спеху, —
Когда в один из светлых вечеров
Сорву сердечный ритм
припадком смеха.

2006

«Небо в цвете полусвета...»

Небо в цвете полусвета.
Город спрятался у ветра
За спиной.
Мир пропитан недопетым —
Хриплым бегом, рваным метром,
Белизной.
Ни пути, ни остановок;
Воздух вязок, воздух колок,
Воздух – стон;
Снег – прямыми и кривыми,
Словно те, которым имя —
Легион.
Нарастая по спирали,
Вихри скручивают дали
В пустоте;
И гонцы к концу погони
Чуть крупнее на ладони
Перед тем,
Как расстанутся, растают,
Превращая каплю в стаю —
В белый полк
В миг, когда за поворотом
Кто-то будто понял что-то —
И умолк.

1997

«Ни слова – от себя; ни о себе...»

Ни слова – от себя; ни о себе —
С тоскою или без. Над головою
Светило плещется в сети небес.
Ты, невод Деда с рыбой золотою —

Привет, октябрь! Гори теперь дотла!
Вершится год – всех прошлых високосней.
Коровьим языком прошлась метла
Непоздней осени по жизни поздней —

Жить вовремя, увы, не довелось!
Вольно же нам, живя во время оно,
Как в отрочестве,
мышцей двигать кость,
Вставая в рост
в строю стволов и звонов —

Долой балласт! Ни нимба, ни венца,
Ни шапки. Выгребай туда, где не был,
Пляши до непобедного конца,
Разбрызгивая над Землёю небо —
Транжирь и разбазаривай, пока
Не протаранишь сети Рыбака...

2004

«Вот это – я, а это – ты...»

С.ГЕВОРКЯНУ

Вот это – я, а это – ты,
Как будто мартовы коты —
Среди бесслёзной чистоты
Привёзднуты, прибезднуты.

2007

Диалоги

I

«...Ибо всё начиналось когда-то
С нерасчёта на долгую жизнь
Пешехода – (поэта, солдата —
Вам-то что в том?) —
теперь, развяжись
Линчев узел сожитий, событий
(Со-вытья – всем полканьим полком) —
Вы б не плакали (было б о ком!),
Я б не знал, где канаты рубить. И,
Пережив не желанья (мой Бог —
Я желаю такого, что прежде...) —
Но привычку ступать на порог
Всё в одежке, а также в надежде,
Вызывающей долю насмешки
Над ферзём, сотворённым из пешки —
(«А прошёл бы ты, брат, в короли?») —
Я готов дальше края Земли.
Но один и без Вас. Не на счастье
Смертным путь в заколдованный сад,
Что под Млечным. Полжизни назад,
Выбирая мороз и ненастье,
Я забыл о светилах. Они же
Не прощают такого. Не жду
От Судьбы ли, от Бога – и ниже —
Ничего. Ни в Раю, ни в Аду.
Ни добавки, ни правки, ни книжек.
Это всё я вам должен – не мне
Задолжали!»
– Ни ветки в окне,
И ни птицы.
– И с этим живут!
Взгляда вниз, вслед понурой фигуре,
Не случилось. К чему? На траву
Ляжет снег, след – на снег, и, прищуря
Нам глаза – Солнце смое следы.
И того, уходящего – тоже.
Всё не ново, хотя непохоже —
Каждый раз. Так две капли воды
Попадают – одна в океан,
А другая... пускай – в Ниагару.
...А в меня – что попало!? – На пару
С тем – попавшим —

я мыла стакан,
Вилки, ложки – и
то, что во мне,
Созревало, как озимь к весне.

II

– Мама, мама, не пойму —
Объясни... – Что? – Почему
Все всегда уходят люди?
– Потому что Бог так судит,
И живущие – все смертны.
Видишь, милый: звёзд – несметно,
Их же нужно заселять!
Спи, сынище. – Плоско, гладко,
Лампа; узкая кровать;
Пушка – “заряжать-стрелять” —
Под подушкой.
Точка света.
Кухня. Мама с сигаретой.

– Всё не спишь?
– А ты опять
Куришь... – Папу жду. – Гулять
Выйдем завтра? – Я не знаю...—
Продувная, навесная
В окна ломится метель.
“Не кури.” – Не пей. —
Не те ль
Призраки былых уютов
Режут полночь на минуты
Пониманья: всё. Одна.
Мать. Подруга. – Не жена.—
“Вы не курите, не пьёте?
Значит, будет смерть на взлёте!”
... На изломе белых крыл...
– Это папа говорил,
Что на взлёте!? Всё вы врёте!
Этот папа – на работе —
С тётей... – Это – ничего.
Это... ангел был его.

Навязанный ритм

I

1. Л. Болдову

Как во гробе либо в утробе,
Вечность мечется наугад:
Плыть в горячке, трястись в ознобе —
Из двух бед выбирают обе.
Выбор более чем богат

В тесном братстве наоборотов,
Где, похоже, и страсть, и страх
Придают пустоту полёта
Бормотанию рифмоплёта,
Соловеющего в словах

Соловьиных – без дна, без меры,
Прочь из такта, лучом к луне,
Мимо времени и барьеров,
Ибо не удержать размера
Безразмерной величине.

2. С. Геворкяну

Миг забрасыванья камнями,
Время сбора их – на себя.
Всё, случавшееся не с нами,
Ныне катится валунами,
Составлявшими стены в храме
Всех скорбящих во всех скорбях.
Здесь – не вскрытое рифом днище,
Не досадный страховки срыв.
Грязекаменный смыв – почище:
После этаких дел не ищут
Ни погибших, ни тех, кто жив,
Ни героев, ни виноватых.
Да и звук того слова краток
И ползуч по-змеючьи: сель.
И ни грома тебе, ни вспышки,
А равно – ни дна, ни покрывки —

Пух-перина земля! Постель
На скале.

А вода провьётся
Сквозь завалы, и лозоходцу,
Обнаружившему родник,
Слово явится: «Сладко пьётся!»
– Он смолчит, как по руслу бьётся
Чей-то плач – или смех и вскрик.

II

Не ходи, малыш! Там холод.
Золотой иглой исколот
Горизонт у края вод.
Тишь – всего лишь звук на взводе,
И созвездия заводят
Нехороший хоровод.

Не ходи хотя бы нынче!
В печке вой до визга взвинчен,
Дни – на убыль, зори злы,
Сетка дней плетётся криво.
И почти что до обрыва
Перетянуты узлы.

Что ты? Где ты? – Нет ответа.
Только веток силуэты,
Только леденеет свет
В затканном зимой оконце,
И обвалом всходит солнце
Там, где рвётся хрупкий след.

«...Это – кукла, это – мишка...»

– ...Это – кукла, это – мишка,
Это – карточный домишко.
Просит чаю внучья стая.
Шепчет бабушка, гадая:
«Туз, король, шестёрка, дама!
Тот – налево, этот – прямо,
Эти – будут, это – было...»
– Это братская могила.
Это – Стикс, а это – Лега.
Это – пусто там. – А это?..

III

ВРЕМЕНА

Пролог

Звучанье пожизненно, муза надменна,
Пристрастья и низменны,
и неизменны,
И третьестепенны, когда говорит
Межзвёздный, извне навязанный ритм,
Который хоронит всю суетность дня.
И место на троне – не троньте меня! —
Пустует, как прежде. Читай партитуру
Для нервов в надежде на дуру-натуру,
Что криво – да выведет, не подведёт.
И в предокончании междусезонья
Ночь от ночи – всё и ясней, и бессонней,
И знаешь, что в жёсткий попал переплёт:
Что волосы нищенки, спутаны мысли,
Но март – на дворе, и в забытом
не числят,
Что свистнуто было безвестным нахалом:

«А вечер был тих... А земля отдыхала...»

1

Минувшее мнимо, грядущее немо,
Пожизненно времени бремя.
И все мы,
В плену этих формул, у бед в поводу
Иль ждём, или просим у моря погоды.
А в мире – закаты, светила, восходы;
Прохладно в Эдеме и душно в Аду,
Поскольку последний намного теснее
Ввиду положения – в центре Земли.
Земля галопирует, мы —
вместе с нею.
И – ось ли звенит, или в звёздной пыли
Рождаются вихри, ворочая камни
В основах знакомого нам
мироздания —
Но – с л ы ш н о! И лишний —

комок или кол —
Вдруг рвётся из горла, вторгаясь
в глагол
Во всех временах —
Во все «ныне» и «присно»,
И, неописуем (не теми описан?)
Восходит сверхновой на нёбе небес.
И мир укрупняется. Ибо Создатель
Берётся за циркуль, линейку, отвес,
Резец – и поверх тираний – демократий,
Союзов и прочей подзвёздной возни

Творит, восстанавливая равновесье.
И воздух тревожит за выдохом – вдох,
И вот уже видно – над миром возник
Чертог – порождение камня и песни;
Светила по стенам его – как горох
Из банки, расквашенной об пол
 хозяйкой
В мечтах о былом; и мальковою
стайкой
Несутся кометы, и свод всему —
Млечный.

И пляска от печек его бесконечна,
Поскольку, погибнув, рождаются снова
В минувшем – грядущем и слава, и Слово.

2

О том, что взаправду темно и тревожно,
Грешно говорить, написать —
невозможно,
И подло – молчать.
Так летит с языка
То лепет, то брань; и во многих строках
Толпятся, как в клетке, забытые лица.
Но призрак был вызван и должен явиться;
И ломится к полночи в твой Новый год
Видений просоночных водоворот;
В их калейдоскопе, как Шлиман в раскопе,
Увидишь быстрины, излуки и токи
Потока, которого быть не могло —
Да он бы то знал!
– Не Добро или Зло —
Один Вечный Взлёт дирижирует хором
Светил и пустот; истомясь без опоры,

Мир встанет в единственно истинный ряд
Судеб и их связей – безмолвный парад
Убывших улыбок
Всех тех, кем ты не был.
Минувшее – глыба.
Грядущее – Небо.

3

Расхристанный город – посаженный голос,
Распахнутый ворот, всклокоченный волос,
Сыреющий ветер, апрель на ветру,
Сугробы горелые не ко двору.
В расставленных окнах
ворон пересуды
Весеннюю одурь рифмуют
с простудой;
И полночь, и утро идут по рукам.
Привольно премудрым, вольно дуракам
То вляпаться в Солнце, то плюхать
по лужам.
И всё-то-что-помнится —
нынче не нужно,
И канул бы хором
в разинутый рот
Весны сброд заборов,
заводов,
забот;

Но где-то над гнёздами копятся воды;
И снова невнятны прогнозы погоды;
И, как ни светло между явью и сном,
Подмоченный опыт твердит об ином;
Так, полубеззуба, темна, тугоуха,
Клюкасто шипит на подростка старуха,
Приросшая к дому,
утопшему в землю.
Минувшему грому
Грядущее внемлет.

4

Минувшие громы грядущее слышит:
«Не больше вы – дома! И крыши —
не выше!»

Без племени-роду плодятся —
уроды!
Не будет исхода. Не будет дохода!!»

...Пока не черно то, что было зелёным,
Пока пустота не затронула кроны
Берёз и дубов – над пылающим клёном
Скорей глубиною, чем высотой
Похвалится ныне провал небосклона,
И вечер, стучащий в окно на постой,
Не очень настойчив.

Но зыбкая сфера
Качнулась и села; и сумерки —
серы,
И серые кошки снуют переулком;
Их уши остры, а безмолвие гулко,
Как холод колодца, исполненный звёзд,
Когда над водой поднимается в рост
Мотив, наплывающий к теме и в темя,
Медлительно-мощный и ровный,
как Время,
Растущий, пока не охватит вокруг,
Вмещаая иные, подхваченный всеми,
Как лезвие чистый, отточенный звук —
Аккорд отделения зёрен от плевел.

И, если смотреть в наползающий Север,
Как в школе учили, узришь белизну,
Сокрывшую бывшую бурую поросль.
Закроешь глаза – и увидишь весну:
И год неисчислен,
и помыслы – порознь;
Но тополя ствол —
словно в облако мост,
И разные вещи —
закат и норд-ост,
И звук будет справа, а свет будет слева.
Минувшее – травы.
Грядущее – древо.

5

Поминки, обновки ли – перестановки.
Обмолвки и толки – былого осколки —
Вповалку на полке. Покойники смолкли.
Обвисли и мокнут
И листья, и окна,

С Востока приносят
не вести, но осень,
И воздух снаружи
натужно-простужен.
Невнятные движенья в сетях непогоды,
И ждёшь не рожденья пока что,
но родов,
За предокончаньем не видно начала,
И в ритме дыханья ещё не звучало
Трубы или Слова.
Ни вскрика, ни зова,
Ни света, ни силы.
Квартира – могила,
А может, утроба, где скрыты мы оба
До первого снега, до белого бега.
Вот стульчик без спинки, вот дверь
от подковки.
Ушедших – поминки;
нашедшим – обновки —
Водой в решето: вроде – в цель,
всё же мимо —
Неточно, не то —
словно речи к любимой;
И, как пузыри в закипающей каше,
Пока что незрима, за тактом пока что,
Едва уловима ведущая тема:
Минувшее – мнимо.
Грядущее – немо.

2001–2002

Памяти Ю.Ю. Фомина

*Две-три звезды
упали вниз ...*
Ю.Ю.Фомин

1.

Что там – в струях Водолея?
– Жилы горла, мышцы шеи
Да булыжник головы
С трубным взывом: “Что там —
вы нам?” —
С свеклогубым, непрерывным
(Зубы выбиты) “Ы?”

– Средний палец – хвост трубой —
жест
В нюх скоплению убожеств,
Оскоплению божества,
Или – долгий бег по лужам,
Чей-то смех: “Кому ты нужен!?” —
В мозг, минуя слух?
—Москва—
Питер. Рельсы. Ясный вечер.
Стыки, стрелки. Время лечит.
Хлещет вечность из горла
Ленинградским, Невским, Млечным —
Откликайся, человеке!
Здесь – была да не сплыла —
Вся любовь твоя; весь – слышь ты? —
Звук – всех выше: чёткий выштоп
На прорехах бытия.
Отзовись! Отходят годы,
Словно воды!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.